

JEL: F22, J61, O15
УДК 331.551+314.74

<https://dx.doi.org/10.14530/se.2020.3.076-108>

Влияние трансформации социокультурных факторов на процессы внешней трудовой миграции Узбекистана

К.А. Бондаренко

Бондаренко Ксения Андреевна

¹ экономист

Департамент анализа глобальных рынков, ООО Анкор ФинТек, ул. Ленинская Слобода, 19, Москва, 115280, Российская Федерация

² преподаватель, аспирант

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», ул. Мясницкая, 20, Москва, 101000, Российская Федерация

E-mail: xenabondarenko@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0550-6361

Аннотация. В настоящее время, по оценке Министерства занятости и трудовых отношений Узбекистана, внешние трудовые мигранты составляют почти 22% всех трудовых ресурсов страны. С 1991 по 2019 г. экономика Узбекистана прошла через четыре этапа, каждый из которых характеризовался определенными демографическими, экономическими, политическими и другими факторами, оказывающими влияние на формирование внешней трудовой миграции на макроуровне. Эти этапы отражают: а) переход от плановой к рыночной экономике на фоне роста миграционного оттока на ПМЖ в 1990–2000 гг., б) ускорение экономического роста в 2000–2009 гг. и формирование «мигрантских сетей» за рубежом, в) период замедления роста ВВП в отсутствие структурных реформ по стимулированию занятости и инвестиций в 2010–2015 гг., что способствовало активному росту трудовой миграции, г) этап новых социально-экономических реформ и усиление внимания руководства Узбекистана к миграционным процессам. В данном исследовании принимаются во внимание эти макроэкономические условия, но фокус переносится на причины изменения миграционных процессов с точки зрения малоизученных социокультурных факторов, которые оказывают влияние на внешнюю трудовую миграцию и реинтеграцию трудовых мигрантов в Узбекистане. Основой исследования служат отчеты специализированных исследований внешней трудовой миграции и занятости, проведенных Министерством занятости и трудовых отношений Узбекистана, публикации исследований международных организаций, а также данные углубленных интервью с мигрантами и членами их семей. В процессе исследования выявлено, что под влиянием макроэкономических условий изменение социокультурного контекста в период 2006–2019 гг. способствовало расширению географии миграции из Узбекистана, появлению таких явлений, как «феминизация» миграции и ее «омоложение» на фоне проявлений отдельных элементов эгалитаризма в изначаль-

но патриархальном обществе, а также позволило оценить степень «успешности» миграции – с точки зрения повторной миграции и способности мигрантов реинтегрироваться в социум по возвращении домой. Показано, что как стимулирование, так и сдерживание миграционных процессов в Узбекистане связаны с особенностями микросоциумов.

Ключевые слова: трудовая миграция, микросоциум, социокультурные факторы, феминизация миграции, повторная миграция, реинтеграция трудовых мигрантов, Республика Узбекистан

Для цитирования: Бондаренко К.А. Влияние трансформации социокультурных факторов на процессы внешней трудовой миграции Узбекистана // Пространственная экономика. 2020. Т. 16. № 3. С. 76–108. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2020.3.076-108>

Transformation of Socio-Cultural Factors Impacting on the External Labour Migration in Uzbekistan

K.A. Bondarenko

Ksenia Andreevna Bondarenko

¹ Economist

Global Markets Research, ANCOR Hi-Tech, LLC, 19 Leninskaya Sloboda St., Moscow, 115280, Russian Federation

² Lecturer, PhD Student

National Research University Higher School of Economics, 20 Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russian Federation

E-mail: xenabondarenko@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0550-6361

Abstract. According to the Ministry of Employment and Labor Relations of the Republic of Uzbekistan external labor migrants' share corresponds to approximately 22% of the country's entire labor force. In 1991–2019 Uzbekistan economy went through four stages each determined by certain demographic, economic, political and other factors impacting on the formation of external labour migration at the macro-level. These stages reflect the following: a) transition from a centrally planned to a market economy against the background of higher migration outflows for permanent residence abroad in 1990–2000, b) acceleration of economic growth in 2000–2009 and subsequent formation of migrant networks abroad, c) a period of GDP growth slowdown in the absence of structural reforms to promote employment and investment in 2010–2015 that contributed to increasing labor migration, and d) the stage of new socio-economic reforms and closer attention of the Uzbekistan authorities to migration processes. The study takes into account this macroeconomic environment, but the focus is shifting to the causes for a change in migration processes from the standpoint of poorly described socio-cultural factors that affect external labor migration and reintegration of returning economic migrants in Uzbekistan. The research is based on the reports on external labor migration and employment of the Ministry of Employment and Labor Relations of the Republic of Uzbekistan and the publications of international organizations as well as in-depth interviews with migrants and members of their families. The study reveals that

the change in the socio-cultural context in 2006–2019 contributed to the expansion of geography of migration from Uzbekistan, the emergence of migration feminization and rejuvenation phenomena amid the elements of egalitarianism in the initially patriarchal society and also it assessed the migration success in terms of re-migration and the ability of migrants to reintegrate into community upon returning home. It is shown that stimulating as well as constraining of migration processes in Uzbekistan are based on micro-sociums specifics.

Keywords: labor migration, micro-community, socio-cultural factors, migration feminization, re-migration, reintegration of labor migrants, the Republic of Uzbekistan

For citation: Bondarenko K.A. Transformation of Socio-Cultural Factors Impacting on the External Labour Migration in Uzbekistan. *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics*, 2020, vol. 16, no. 3, pp. 76–108. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2020.3.076-108> (In Russian).

МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА МИГРАЦИЮ

Начиная с 1991 г. и до настоящего времени Узбекистан пережил несколько этапов формирования рыночной экономики. Это оказало непосредственное влияние на миграционные процессы, структура, цели и масштабы которых менялись по мере изменений макроэкономических условий как внутри страны, так и за рубежом.

На первом этапе перехода от плановой к рыночной экономике (1991–1999 гг.) Узбекистан находился в состоянии кризиса на фоне макроэкономических дисбалансов, высокого уровня безработицы и гиперинфляции (Постсоветские..., 2009). В результате в 1991–1995 гг. реальный ВВП на душу населения снизился на 25%, а до уровня 1991 г. он восстановился только в 2001 г. В этот «трансформационный» период 1990-х гг. население страны (в большинстве своем – титульное) на фоне увеличения социального неравенства и отсутствия необходимого числа рабочих мест было вынуждено прибегнуть к внешней трудовой миграции для обеспечения благосостояния семей. Для нетитульного населения, скорее, была характерна не трудовая миграция, а эмиграция (в основном в Россию), на которую значительное влияние оказало обострение межэтнических и межнациональных отношений. В результате за 10 лет число мигрантов из Узбекистана¹ выросло на 45%.

Второй этап (2000–2009 гг.) экономического развития характеризовался ускорением роста ВВП с 3,8% в 2000 г. до 9,5% в 2007 г., с некоторым замедлением темпов в кризисные 2008–2009 гг. (World..., 2020). На этом этапе миграционный отток с целью переезда на постоянное место жительства снизился, однако в этот период наблюдался рост числа трудовых мигрантов

¹ Рассчитано за период с 1990 по 2000 г. по данным (Global..., 2020).

и формирование «мигрантских сетей» за рубежом. Такая трансформация структуры миграционных процессов была обусловлена необходимостью в поиске дополнительных источников доходов для поддержки домохозяйств на фоне высокого уровня рождаемости (прирост населения Узбекистана¹ вырос с 0,3 млн чел. в 2000 г. до 0,5 млн в 2009 г. и сохраняется на этом уровне до сих пор²). В результате в конце 2000-х гг. сформировался высокий уровень зависимости экономики страны (а также благосостояния населения) от внешних трансфертов трудовых мигрантов, которые, только по официальным данным³, в отдельные годы составляли около 10% от ВВП (World..., 2020; Открытые..., 2020).

На третьем этапе в 2010–2015 гг. рост реального ВВП страны начал замедляться в отсутствие структурных реформ по стимулированию занятости и инвестиций. К этому моменту за границей (в частности, в России и Казахстане) «мигрантские сети» уже сформировались; они существенно облегчали поиск работы новым трудовым мигрантам и способствовали увеличению их числа за рубежом (на 8,6%⁴ за три года – с 2010 по 2013 г.). Однако валютный кризис 2014–2015 гг. и рецессия 2015–2016 гг. в России внесли свои корректировки, в том числе оказав существенное давление не только на замедление миграционного оттока, но и на объемы денежных переводов – их доля в ВВП Узбекистана снизилась с 11,6% в 2013 г. до 3% в 2016 г., а доля трансфертов в доходах населения – с 27 до 16%, еще сильнее увеличив необходимость домохозяйств в поиске дополнительных источников дохода (*табл. 1*).

Таблица 1

**Основные макроэкономические
и социальные показатели Узбекистана, 2007–2019 гг.**

Table 1

Macro-economic and social indicators of Uzbekistan, 2007–2019

Индикаторы	2007	2010	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
<i>Макроэкономические</i>									
ВВП, млрд долл. США (тек. цены)	22,3	46,7	69,0	76,7	81,8	81,8	59,2	50,4	57,9
ВВП, млрд долл. США (пост. цены 2010 г.)	36,8	46,7	58,1	62,3	66,9	71,0	74,2	78,2	82,6

¹ Здесь и далее, по данным Государственного комитета Республики Узбекистан по статистике.

² Исключение – 2012 г., когда годовой прирост населения составил 0,44 млн чел. (World..., 2020).

³ Данные статистики, вероятно, занижены (Республика..., 2020).

⁴ Рассчитано за период с 2010 по 2013 г. по данным (Global..., 2020).

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
ВВП по ППС, млрд долл. США (тек. цены)	111	146	180	189	199	206	211	228	245
ВВП на душу населения, тыс. долл. США (тек. цены)	0,8	1,6	2,3	2,5	2,6	2,6	1,8	1,5	1,7
ВВП на душу населения, тыс. долл. США (пост. цены 2010 г.)	1,4	1,6	1,9	2,0	2,1	2,2	2,3	2,4	2,5
Темп прироста ВВП, %	9,5	7,6	7,6	7,2	7,4	6,1	4,5	5,4	5,6
Инфляция (на конец года), %	6,8	7,3	6,8	6,13	5,6	5,7	14,4	14,3	15,2
Безработица, %	–	5,4	4,9	5,1	5,2	5,2	5,8	9,3	9,0
USD/UZS, сред. за период	1264	1586	2095	2311	2569	2966	5121	8069	8839
RUB/UZS, сред. за период	49	52	66	62	43	44	88	129	136
<i>Социальные</i>									
Совокупные доходы на душу населения, долл. США/мес. (тек. цены)	–	–	134	138	137	163	111	89	97
из них доходы от трансфертов, %**	–	–	27,0	24,4	20,3	16,0	20,9	23,9	25,3
Совокупные доходы на душу населения, долл. США/мес. (пост. цены)	–	–	125	130	130	155	101	75	85
Реальный рост совокупных доходов в долл. США, %	–	–	–	3,9	–0,1	19,2	–34,5	–25,6	12,1
Реальный рост совокупных доходов в нац. валюте, %	–	–	13,9	7,1	4,3	5,2	7,2	5,2	5,2
Средняя номинальная зарплата, долл. США/мес.	–	318	413	436	456	436	266	207	246
Численность населения, млн чел.*	26,9	28,6	26,9	30,8	31,3	31,8	32,4	33,0	33,6
Трудовые ресурсы, млн чел.*	15,2	16,7	15,2	18,0	18,3	18,5	18,7	18,8	–
из них всего занятых в экономике*, %	70,5	69,5	70,3	71,0	71,5	71,9	72,4	70,5	–
Численность мигрантов за рубежом (migrant stock), всего, млн чел.	–	1,76	1,91	–	–	–	2,01	–	–
Численность выезжающих за рубеж, млн/год***	–	–	–	–	–	–	6,8	13,8	12,9
в том числе с целью поиска работы, млн/год	–	–	–	–	–	–	1,6	4,1	3,5
Доля малообеспеченного населения****, %	–	17,7	14,1	13,3	12,8	12,3	11,9	11,4	11,0

Примечания: * в среднем за год; ** в том числе денежные переводы и социальные платежи; *** рассчитано по открытым данным, которые предоставляются с 2017 г. (Открытая..., 2020); **** расчеты по малообеспеченности, полученные на основе 2100 килокалорий в день по рекомендации Всемирного банка.

Источники: Открытая..., 2020; Global..., 2020; World..., 2020; информационный терминал Thomson Reuters Eikon.

Текущий этап экономического развития начался после 2016 г., когда по инициативе президента Ш. Мирзиёева был проведен ряд социально-экономических реформ¹. Эти реформы, тем не менее, пока не смогли коренным образом решить проблемы занятости и существенным образом повысить благосостояние населения: доля малообеспеченного населения в 2019 г. составила 11%², снижаясь лишь на 0,4–0,5 п. п. в год из-за небольшого числа работающих взрослых в домохозяйствах, региональных диспропорций, высокого неравенства и низкого роста производительности в сельском хозяйстве, где занято 25% от общего числа рабочей силы в стране (Трушин, 2019). В начале сентября 2017 г. правительство вынуждено было провести либерализацию валютного рынка (О первоочередных..., 2017). Это привело к девальвации официального курса сума – национальной валюты страны – с 4210 сум/долл. США до 8100 сум/долл. США³, тем самым вызвав рост инфляции и выдвинув на первый план необходимость в поддержании уровня благосостояния в домохозяйствах. В этой ситуации в преимуществе оказались семьи, получающие валютные денежные переводы из-за рубежа (главным образом, из России, так как девальвация привела к росту курса сума к рублю с 72,69 сум/руб. до 140,5 сум/руб.)⁴.

Одним из следствий сложившейся ситуации стало вынужденное повышение трудовой мобильности работников, выразившейся, прежде всего, в форме расширения масштабов внешней трудовой миграции, в которую начали вовлекаться самые разные группы населения. В результате безработица в Узбекистане выросла с 5,8% в 2017 г. до 9,3% в 2018 г.⁵ Благодаря увеличению миграционного оттока и соответствующему росту трансфертных платежей (их доля в доходах увеличилась с 21% в 2017 г. до почти 24% в 2018 г.⁶ и продолжает расти) рост расходов на личное потребление домохозяйств ускорился с 12 до 21%⁷ и реальные доходы на душу населения в на-

¹ Либерализация валютного рынка, совершенствование налоговой системы, развитие бизнеса, стимулирование региональной торговли, а также господдержка сельскохозяйственных предприятий, специализирующихся в хлопководстве (источник доходов значительной части населения Узбекистана) и др.

² Расчеты по малообеспеченности, полученные на основе 2100 килокалорий в день, по рекомендации Всемирного банка.

³ По данным информационного терминала Thomson Reuters Eikon.

⁴ Там же.

⁵ Рассчитано по: Рынок труда / Государственный комитет Республики Узбекистан по статистике. 2020. URL: <https://stat.uz/ru/164-ofytsyalnaia-statistika-ru/6580-rynok-truda2> (дата обращения: июль 2020).

⁶ Рассчитано по: Уровень жизни населения / Государственный комитет Республики Узбекистан по статистике. 2020. URL: <https://stat.uz/ru/164-ofytsyalnaia-statistika-ru/6579-uroven-zhizni-naseleniya2> (дата обращения: июль 2020).

⁷ Рассчитано по: Национальные счета / Государственный комитет Республики Узбекистан по статистике. 2020. URL: <https://stat.uz/ru/164-ofytsyalnaia-statistika-ru/6602-natsionalnye-scheta> (дата обращения: июль 2020).

циональной валюте сохранили устойчивую динамику роста. Однако выраженные в долларах США, за 2016–2018 гг. они снизились фактически в два раза (со 155 до 76 долл. США в месяц), продемонстрировав один из самых низких показателей на территории СНГ.

В Республике Узбекистан наблюдается специфическая демографическая ситуация: из-за высокой рождаемости доля населения в нетрудоспособном возрасте продолжает увеличиваться (сегодня доля лиц в возрасте младше 15 и старше 60 лет превышает 37%¹), и нагрузка на поддержание благосостояния домохозяйств ложится на плечи занятого населения. При этом в 2018 г. от общего числа трудовых ресурсов только около 70% были заняты в экономике страны, а около 22% уехали за границу на заработки. За 2019 г., по официальным данным статистического комитета Узбекистана, трудовыми мигрантами были 3,5 млн чел.², то есть примерно в половине домохозяйств страны кто-то из членов семьи являлся внешним трудовым мигрантом.

Каждое резкое изменение в экономической среде Узбекистана так или иначе приводило к трансформациям миграционных процессов, что зачастую выражалось в пополнении существующего контингента мигрантов новыми участниками. Последние из значимых макрособытий, в частности, были связаны с девальвацией рубля в 2014 г. и рецессией в России (основном целевом миграционном пространстве и источнике денежных переводов для Узбекистана), а также падением сума в 2017 г., ростом неравенства и необходимостью в поддержке благосостояния домохозяйств.

В этом году экономический кризис, вызванный пандемией коронавируса, стал причиной падения курса рубля и сума по отношению к доллару США, а также снижения экономической активности как в России, так и в Узбекистане. Наиболее пострадавшими секторами во время кризиса стали сектор услуг (в частности, гостиничный бизнес и все сопутствующие сферы деятельности, предприятия общепита, транспорт), торговля, строительство и производство, а также сельское хозяйство (Kartseva, Kuznetsova, 2020), то есть отрасли с высокой долей мигрантов среди занятых. В результате спрос на труд мигрантов за рубежом снизился (Варшавер, 2020), что привело к падению номинальных объемов денежных трансфертов: например, из России переводы в рублях в апреле 2020 г. снизились (Трансграничные..., 2020) на

¹ Рассчитано по: Демография / Государственный комитет Республики Узбекистан по статистике. 2020. URL: <https://stat.uz/ru/164-ofytsyalnaia-statistika-ru/6569-demografiya2> (дата обращения: июль 2020).

² Расчетный показатель: 26,7% от общего числа 12,9 млн выехавших граждан за рубеж в 2019 г. (Количество лиц, въехавших и выехавших из Республики Узбекистан (январь – декабрь 2019 г.) / Государственный комитет Республики Узбекистан по статистике. 2020. URL: https://stat.uz/uploads/docs/turizm_dekabr_ru.pdf (дата обращения: июль 2020).

68% г/г, а в мае – на 29% г/г (в долларах США – на 94 и 38% соответственно). В Узбекистане, по предварительным данным ЦБ (Предварительные..., 2020), свидетельством падения денежных трансфертов в январе – июне 2020 г. стало сокращение положительного сальдо баланса первичных доходов платежного баланса на 61,6% г/г – до 0,3 млрд долл. По итогам этого года падение объемов полученных трансфертов в Узбекистане может составить 35% (Предварительные..., 2020), что негативно скажется на уровне благосостояния населения и может в очередной раз привести к изменению миграционных паттернов.

МИКРОСОЦИУМ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ

Внешняя трудовая миграция в целом находится под влиянием ряда факторов макроуровня – демографических, макроэкономических, политических, экологических и др. Но определение фактической необходимости миграции для конкретной семьи, принятие решения о выезде и все основные параметры миграционных процессов (кто поедет и куда, условия и длительность миграции) формируются с учетом скорее условий на микроуровне. Материальное положение семьи с учетом национальных традиций, которые определяют влияние микросоциума на миграционные процессы, часто определяют само решение о миграции.

В рамках данного исследования мы сознательно подвергаем анализу микросоциум и его влияние на процессы внешней трудовой миграции. А общая экономическая составляющая (в частности, уровень благосостояния домохозяйств) рассматривается в качестве постоянного рамочного фактора. Под микросоциумом мы понимаем ближайшее социальное окружение трудового мигранта, а именно – его семью, других родственников, близких и значимых для него знакомых, друзей, соседей и коллег по работе. Микросоциум – это ближайшее пространство и социальное окружение, где протекает жизнь человека, и которое непосредственно влияет на его развитие и поведение. Социокультурные факторы микросоциума в контексте данного исследования отражают следующее: стереотипы и установки общественного сознания, касающиеся восприятия трудовых мигрантов; традиции, обычаи и нормы взаимодействия в семье и сообществе, которые влияют на мобильность как населения в целом, так и отдельных социально-демографических групп; складывающиеся практики социального взаимодействия в микросоциуме по вопросам внешней трудовой миграции. Микросоциум влияет на выбор страны миграции, отношение к развилкам адаптации мигранта в стране заработка, способ расходования полученных финансовых ресурсов и

дальнейшее изменение поведенческих установок самих мигрантов на различных стадиях миграции.

Основная цель исследования – выявить изменения в миграционных процессах в 2006–2019 гг. и охарактеризовать особенности социокультурной среды домохозяйств Узбекистана в качестве факторов, предопределяющих эти изменения. Для достижения этой цели необходимо:

- проанализировать изменения восприятия и отношения микросоциума к внешней трудовой миграции;
- рассмотреть влияние факторов микроуровня на контингент мигрантов и на феминизацию внешней трудовой миграции;
- раскрыть потребности микросоциума, обуславливающие принятие решений, связанных с внешней трудовой миграцией и стадиями миграции;
- определить причины циклической и возвратной миграции и характеристики мигрантов, влияющие на решение о возвратной миграции;
- показать последствия трансформации отношений микросоциума и их возможное влияние на миграционные процессы в Узбекистане.

ОБЗОР НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

На поведенческие установки мигрантов оказывает влияние ряд факторов, как на макро- (Ranis, Fei, 1961; Cohen, 2008; International..., 2017), так и на микроуровне (De Jong, 2000; Otrachshenko, Popova, 2014; Локшин, Чернина, 2013). Факторы, влияющие на миграцию на макроуровне, позволяют оценить влияние глобальных факторов и / или экономических условий в странах-донорах и странах-реципиентах, в контексте данного исследования, например, девальвации валюты и рецессии в России в 2014–2015 гг. или высокой инфляции, падения сума и роста неравенства в Узбекистане в 2017 г. Теории микроуровня проводят анализ поведения мигрантов с точки зрения как *социокультурного контекста*, то есть социальной среды, собственного восприятия мигрантов, их семьи и наличия миграционных сетей за рубежом, так и *экономического контекста*, который определяется уровнем благосостояния домохозяйства.

На микроуровне факторы подвергаются анализу гораздо реже, чем на макроуровне (Ravlik, 2014). Это происходит отчасти вследствие их уникальности для каждого отдельно взятого региона и / или страны. Здесь большое значение имеет контекст, связанный с конкретной страной, местностью и проживающим там населением, которое имеет свои специфические социокультурные особенности восприятия и поведения, сформированные на протяжении длительного времени. Поэтому для того, чтобы получить объемное представление, необходимо по возможности принимать во внимание сово-

купность факторов разного уровня и анализировать их влияние на ситуацию в сфере внешней трудовой миграции. Такой системный подход даст ключ к пониманию того, каким образом эти факторы вместе формируют склонности и возможности людей к миграции, и позволяет проанализировать следующие этапы экономической жизни мигранта и его семьи.

Согласно микротеориям неоклассической экономической школы, основной целью трудовой миграции является повышение благосостояния человека и его семьи (Sjaastad, 1962). Такой подход определяется как «микроэкономическая модель индивидуального выбора», где основной причиной миграции является стремление получить положительный чистый (обычно денежный) доход по прибытии на родину, а выбор страны зависит от максимизации своего чистого дохода¹ за определенный промежуток времени (Massey et al., 1993; Bowles, 1970). В случае со странами в состоянии затяжного кризиса и высоким уровнем безработицы речь может идти и о сохранении определенного уровня достатка семьи на родине.

Однако микроэкономическая модель индивидуального выбора не объясняет феномен возвратной и трудовой миграции при условии, что ожидаемые доходы лишь незначительно превышают расходы по окончании миграции (Stark, 2003). Неоклассический подход в основном ориентирован на затраты мигранта и его личные ожидания и не учитывает экономические² и информационные риски. Принимая последние во внимание, в работе (Fischer et al., 1997) предлагают несколько более продвинутую версию микроэкономической модели индивидуального выбора. Однако и они игнорируют ряд структурных аспектов миграционного процесса – в частности, влияние семьи и / или микросоциума, ведь часто с течением времени происходит изменение поведенческих установок трудовых мигрантов. Одни остаются в стране-реципиенте, так как привыкают к жизни там, стараются ассимилироваться и впоследствии «тянут» свою семью за собой, переходя в следующие стадии миграционного цикла (Мукомель, 2011). Другие мигранты возвращаются на родину и остаются там, а третьи становятся так называемыми «возвратными», или «ремигрантами», которые через некоторое время после возвращения домой снова уезжают на заработки.

Именно структурные аспекты становятся ключевым фактором при объяснении феномена возвратной миграции. Согласно теории новой экономики миграции (Stark, Levhari, 1982; Stark, 2003), именно семейные и обществен-

¹ То есть необходимый уровень трансфертов «домой» за вычетом всех расходов на миграцию.

² То есть риски, связанные с неблагоприятными изменениями в экономике страны и / или предприятия (изменение конъюнктуры рынка, падение спроса на трудовые ресурсы, валютные риски и др.).

ные атрибуты имеют большое значение при анализе причин трудовой миграции (Мелконян, 2015). Этот подход ставит на первый план роль других членов микросоциума в принятии решения о миграции, учитывая не только максимизацию чистой прибыли, но и минимизацию возможных рисков и ограничений (Insurance..., 2005). Поэтому информационные потоки между мигрантами и их микросоциумом (как на родине, так и в принимающей стране) становятся одним из ключевых факторов в процессе принятия решения о миграции. В странах-реципиентах создаются так называемые «миграционные сети» (Lee, 1966; Hugo, 1981; Taylor, 1986; Beine et al., 2011; Giulietti et al., 2018), которые позволяют значительно снизить как финансовые, так и нефинансовые риски и существенно упростить процесс миграции. В частности, наряду с материальным (финансовые ресурсы, жилье) и человеческим капиталом (образование, навыки, квалификация и т. д.) миграционные сети также накапливают социальный капитал, поскольку они не только мотивируют людей мигрировать, но также являются источником ценной информации для мигрантов, предоставляя дополнительные возможности для максимизации эффективности миграционных процессов (Garip, 2008; UN System..., 2012).

Большая часть научных работ в области исследования причин миграции (и ремиграции) посвящена исследованиям в странах Латинской Америки (Chiquiar, Hanson, 2005), Китае (Zhao, 1999; Giles, Yoo, 2007), Европе (Toma, Castagnone, 2015; Constant, Massey, 2003) и в Африке (Migration..., 2006), в то время как в регионе Средней Азии и Кавказа эта тема исследована еще недостаточно широко вследствие существующих ограничений доступа к микроданным (Maksakova, 2006; Abdurazakova, 2011). Тем не менее здесь среди существующих исследований по вопросам миграции на микроуровне необходимо выделить ряд работ, касающихся непосредственно базовых характеристик мигрантов (Ahunov et al., 2015) и самих причин миграции, в частности – роли культуры и традиций (Ilkhamov, 2013) и миграционных сетей (Elrick, 2005; Finke et al., 2013), социальной значимости семьи (Rahmonova-Schwarz, 2012), а также изменений в поведении женщин (Laruelle, 2007; Hofmann, Buckley, 2013) и др.

Исследования по миграции в Узбекистане – типичной стране-экспортере трудовых ресурсов – в большинстве основаны на агрегированных макроданных (Чепель, Бондаренко, 2015). Эмпирические и аналитические исследования на микроуровне в Узбекистане о социально-экономических последствиях трудовой миграции не принимают во внимание весь спектр проблем, связанных с миграцией. Исследования на микроуровне ограничены: они в основном рассматривают только характеристики мигрантов, роль семьи в процессе принятия решения о миграции и значение денежных пере-

водов в благосостоянии домохозяйств (Ahunov et al., 2015; Juraev, 2012), в то время как другие причины миграционных процессов и их трансформация фактически рассмотрены лишь поверхностно ввиду ограниченного доступа к данным. Тем временем внешняя трудовая миграция в Узбекистане (как в сельских, так и в городских районах) сформировалась за эти годы как интегральная часть долгосрочной стратегии в обеспечении благосостояния отдельных семей, что требует более глубокого анализа социокультурных факторов, определяющих решение о миграции.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Данное исследование основано на анализе количественных и качественных данных. Основным источником количественных данных являются отчеты специализированных исследований внешней трудовой миграции и занятости, проведенных Министерством занятости и трудовых отношений Узбекистана (МЗТО), в частности – социологическое обследование по изучению вопросов трудовой миграции за 2018 г. (содержит данные с 2010 по 2018 г. по ряду индикаторов) (Результаты..., 2019) и ежеквартальные информационные бюллетени «Рынок труда, занятость и безработица» (декабрь 2018 г., март 2019 г., июнь 2019 г.) (Информационный..., 2020). В этих отчетах данные о трудовых мигрантах дезагрегированы по следующим социально-демографическим показателям: тип поселения (город / село), пол, возраст, образование трудового мигранта, его семейное положение, цели миграции и другим важным с точки зрения целей исследования показателям. В настоящий момент глубокой ретроспективной информации в отношении этих социально-демографических показателей МЗТО не предоставляет. Поэтому для ретроспективного анализа миграционных процессов были использованы данные международных исследований 2006–2009 гг. В частности, в контексте феминизации миграции автором были использованы материалы регионального отчета, подготовленного по результатам социологических исследований в Кыргызстане, Таджикистане, Узбекистане, Казахстане и России при поддержке Регионального офиса Фонда ООН для развития в интересах женщин (ЮНИФЕМ) для СНГ (Оценка..., 2009). В целях анализа возрастной структуры внешней миграции автором были использованы статьи сборника социологических исследований Программы развития Организации Объединенных Наций (ПРООН) и Гендерной программы Посольства Швейцарии (Трудовая..., 2008).

Все вышеуказанные материалы имеют существенные ограничения в части представления данных, так как они опубликованы уже в агрегированном формате. Существенную проблему составляет также сопоставимость

ежегодных и ежеквартальных социологических опросов МЗТО и опубликованных в 2006–2009 гг. материалах, что существенно затрудняет сравнительный анализ. Наконец, учитывая, что публикации МЗТО не ставили своей целью изучение и анализ влияния микросоциума на процессы трудовой миграции, ряд важных с точки зрения данной работы индикаторов отсутствует.

Имеющиеся ограничения частично удалось восполнить за счет анализа углубленных интервью с мигрантами и членами их семей, проведенных в период с 2008 по 2017 г. различными исследовательскими организациями Узбекистана, РФ, Казахстана¹. Именно данные углубленных интервью позволили вскрыть причинно-следственные связи и объяснить влияние микросоциума на внешнюю трудовую миграцию.

ХАРАКТЕРИСТИКА МИГРАНТОВ

В 1991–2016 гг. руководство Узбекистана целенаправленно пыталось сформировать в республиканской прессе достаточно негативный образ трудовых мигрантов, как людей, по каким-то причинам не желающих трудиться на благо родины, которая предоставляет достаточное количество хорошо оплачиваемых рабочих мест. Как результат, в 2000–2009 гг. в период увеличения числа трудовых мигрантов и активного формирования миграционных сетей за рубежом, население Узбекистана было склонно негативно относиться к женщинам, уезжающим на заработки, а мужчин-трудовых мигрантов воспринимало как неудачников из бедных семей. Однако по мере того, как в 2010-х гг. официальная пропаганда ослабла (фактически исчезла на эту тему после выборов 2016 г.), на фоне высокой инфляции и падающих реальных доходов в трудовую миграцию были вынуждены включиться все более широкие слои населения. Более того, в 2018 г. правительством Узбекистана был создан фонд поддержки трудовых мигрантов², целью которого

¹ В частности, в рамках данного исследования проводился анализ фактических цитат из углубленных интервью, содержащихся в опубликованных в сети Интернет социологических отчетах, описывающих процессы внешней трудовой миграции из Узбекистана на протяжении последних двух десятилетий (материалы и публикации Республиканского центра изучения общественного мнения «Ижтимоий фикр» и социологического центра «Шарх ва тавсия» (Узбекистан); материалов РАНХиГС и Центра миграционных исследований Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (РФ); Центра изучения общественного мнения (Казахстан); ряда международных организаций и др. Кроме того, автору была предоставлена возможность использовать для анализа ретроспективную качественную информацию, содержащуюся в первичных данных – углубленных интервью с различными категориями трудовых мигрантов, проведенных Центром социальных исследований «ТАНЛИЛ» (Узбекистан).

² О дополнительных мерах по защите прав и законных интересов граждан Республики Узбекистан, осуществляющих временную трудовую деятельность за рубежом: постановление Кабинета министров Республики Узбекистан № 713 от 23 августа 2019 г. URL: <https://lex.uz/tu/docs/4486615> (дата обращения: август 2020).

стало оказание правовой и социальной защиты граждан, временно трудоустроенных за рубежом, и расширение программ организованного найма. Еще одним немаловажным фактором с точки зрения внимания правительства к управлению миграционными процессами и повышения значимости этих процессов в глазах общества стало вступление Узбекистана в Международную организацию по миграции¹.

Как результат, в настоящее время негативный образ мигранта – как мужчины, так и женщины – практически исчез, а на его смену пришел образ активного и предприимчивого человека, который успешен, поскольку, несмотря на отсутствие работы дома, смог найти работу и заработок в другой стране. По этой причине семьи, в которых в настоящее время есть трудовые мигранты, не только не скрывают этого, но зачастую даже гордятся этим. В результате, по данным Всемирного банка, рост числа мигрантов за рубежом за семь лет, в 2010–2017 гг. (даже с учетом валютного и экономического кризисов в России), составил 17,5%, что выше², чем в 2000–2010 гг. (тогда число мигрантов выросло на 5,8% за 10 лет).

Большинство внешних трудовых мигрантов – это мужчины, их доля составляет 80–90% (*Социально-демографические характеристики трудовых мигрантов 2018–2019 гг.*).

Таблица 2
Социально-демографические характеристики трудовых мигрантов 2018–2019 гг.,
% от числа опрошенных

Socio-demographic characteristics of labour migrants in 2018–2019,
% of respondents

Table 2

Характеристика	2018		2019	
	декабрь	март	март	июнь
Пол				
Мужской	87,4	89,4	89,4	85,9
Женский	12,6	10,6	10,6	14,1
Место проживания				
Город	41	–	–	–
Село	59	–	–	–
Возраст				
16–30 лет	52,0	47,7	47,7	42,4
31 год и старше	48,0	52,3	52,3	57,6

Источник: Информационные..., 2020.

¹ Гендиректор МОМ приветствует Узбекистан в качестве 173-го государства-члена / Совет Агентства ООН по миграции. 2018. 27 ноября. URL: [https://static.norma.uz/official_texts/28112018/RUS_IOM-PBN-UZBmembership%20\(2\).pdf](https://static.norma.uz/official_texts/28112018/RUS_IOM-PBN-UZBmembership%20(2).pdf) (дата обращения: август 2020).

² Рассчитано по: (Global..., 2020).

Большинство трудовых мигрантов мужчин – выходцы из сельской местности (они в основном занимаются физическим трудом), тогда как среди женщин больше тех, кто проживает в городах (их более высокий уровень образования и владение языком позволяют им работать в сфере услуг). И среди мужчин, и среди женщин-мигрантов гораздо больше тех, у кого есть семья и несовершеннолетние дети (при этом число несовершеннолетних детей и / или лиц, находящихся на иждивении, как правило, больше у мужчин).

В 2019 г. около 73% трудовых мигрантов имели среднее специальное или высшее образование, при этом доля трудовых мигрантов с профессиональным образованием увеличивается с 2010 г. (Таблица 3). Вероятной причиной этого могла стать реформа системы образования Узбекистана в 2009 г.¹, когда получение среднего специального, профессионального образования стало носить обязательный характер (выпускники средней общеобразовательной школы должны были выбрать направление обучения или в академическом лицее, или профессиональном колледже). В 2018 г. эта реформа была упразднена², и в настоящий момент ведется реорганизация работы профессиональных образовательных учреждений, что может повлиять на дальнейшую трансформацию структуры миграционных потоков.

Таблица 3
Уровень образования трудовых мигрантов Узбекистана, 2010–2019 гг.

Table 3

Education level of labour migrants in Uzbekistan, 2010–2019

Образование	2010	2016	2017	2018	2019
Высшее	4,7	3,6	5,1	7,7	4,9
Среднее специальное	32,7	51,5	55,9	60,0	68,3
Среднее полное	59,6	42,2	35,5	30,0	26,8
Среднее неполное / начальное	3,0	2,7	3,5	2,3	–*

Примечание: * данных по среднему неполному / начальному образованию не было представлено.

Источник: Результаты..., 2019; Информационный..., 2020.

В оценке благополучия отдельного домохозяйства в Узбекистане уровень доходов часто является определяющим фактором, который позволя-

¹ О мерах по обеспечению дальнейшего обучения выпускников 9-х классов общеобразовательных школ в отдаленных населенных пунктах: указ Президента Республики Узбекистан № ПП-1157 от 13 июля 2009 г. URL: <https://lex.uz/docs/1503414> (дата обращения: июль 2020).

² По поручению Ш. Мирзиёева в ряде школ Узбекистана было восстановлено 11-летнее среднее образование (Система профессионального образования реорганизуется // Газета.UZ. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2019/09/07/education/> (дата обращения: июль 2020).

ет главе семьи удачно женить / выдать замуж детей, выглядеть успешным перед лицом соседей и повисить свой статус¹ и статус членов своей семьи в глазах соседей и друзей. Поэтому в процессе поддержания уровня своего благосостояния у домохозяйств возникает зависимость от постоянного притока денежных переводов мигрантов. В случае же, если семья решит резко улучшить благосостояние, в условиях ограничения роста доходов внутри страны самым оптимальным и легким способом становится поиск новых путей увеличения объема трансфертов – и, соответственно, числа или длительности пребывания мигрантов за рубежом.

Именно благодаря социокультурным изменениям в Узбекистане, а именно – проявлению отдельных элементов эгалитаризма² в изначально патриархальном обществе, в последние годы наблюдается тенденция роста числа мигрантов и изменение их структуры в сторону омоложения, феминизации и роста случаев повторной (возвратной) миграции.

СОВРЕМЕННЫЕ ПАРАМЕТРЫ МИГРАЦИИ

География миграции

По данным специализированных опросов, проведенных Министерством труда, в 2018 г. около 75% (Результаты..., 2019) трудовых мигрантов из Узбекистана выезжали в Россию, где относительно высокий уровень доходов (в 5–6 раз выше, чем в Узбекистане) обеспечивает необходимый положительный экономический эффект (в виде соотношения затрат и дохода), а развитые миграционные сети и привычная социокультурная среда предоставляют относительно благоприятные условия для адаптации и снижают финансовые риски. Около 12% мигрантов направились в Казахстан³ главным образом, с учетом факторов более высокого, чем в Узбекистане, уровня жизни, территориальной близости и сходства в социокультурных особенностях.

Однако, по данным социологического опроса МЗТО (Результаты..., 2019), доля мигрантов, работающих в России и Казахстане, в последние годы начала снижаться. Еще одним популярным направлением трудовой миграции стала Турция, где уровень доходов почти в три раза выше, чем в Узбекистане. В 2018 г. на заработках в Турции находились 7,8% тру-

¹ Статус в данном контексте – место индивида в социальной структуре, характеризующееся совокупностью определенных прав и обязанностей (Филиппов, 2012).

² Эгалитаризм – концепция, в основе которой лежит идея, предполагающая создание общества с равными политическими, экономическими и правовыми возможностями всех членов этого общества (Другач, 2000–2001).

³ Доля трудовых мигрантов из Узбекистана, работающих в России, в различных источниках опросов МЗТО и статистического комитета Узбекистана варьируется от 74 до 83%, а в Казахстане – от 7,5 до 12%. В данном контексте мы ориентируемся на данные МЗТО (Результаты..., 2019), так как здесь статистические данные представлены в динамике.

довых мигрантов (в 2012 г. – менее 2%), более 23% из них проживали в г. Ташкенте, что свидетельствует об относительно высоком уровне квалификации этих мигрантов. При этом среди мужчин-мигрантов доля работавших в Турции в 2018 г. составляла всего 4,1%, а среди женщин-мигрантов – 24,6%. Это значит, что каждая четвертая женщина-мигрант уезжала на заработки в Турцию, где работала в сфере туризма, продаж и уборки или нанималась в качестве гувернантки и сиделки. Среди всех мигрантов из Узбекистана, работающих в Турции в 2018 г., доля женщин составила 57%. Это не только новое, но и необычное явление, так как ранее женщины довольно редко уезжали на заработки без сопровождения

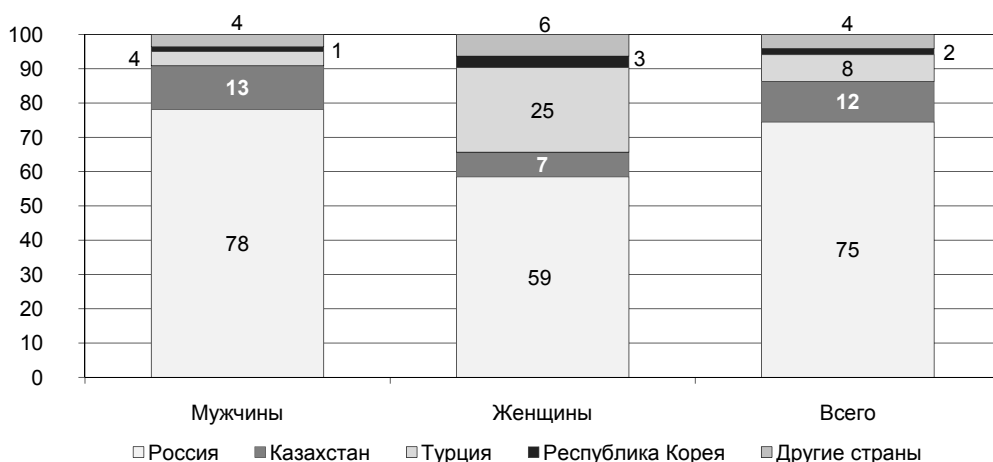

Рис. 1. Внешняя трудовая миграция из Узбекистана в разрезе по принимающим странам, 2018 г., %

Fig. 1. External labour migration from Uzbekistan in 2018 by the recipient state, %

Источник: Результаты..., 2019.

В ноябре 2018 г. Турция увеличила срок безвизового пребывания для граждан Узбекистана с 30 до 90 дней¹ (Об увеличении..., 2018), что, вероятно, станет еще одним стимулом к дальнейшему увеличению числа женщин – трудовых мигрантов в эту страну благодаря сезонному характеру большей части выполняемых работ.

Еще одним фактором дальнейшего расширения географии могут стать

¹ Об увеличении максимального срока нахождения на территории Турецкой Республики в безвизовом режиме для граждан Республики Казахстан, Республики Узбекистан и Республики Таджикистан с 30 до 90 дней: указ Президента Турции от 10 ноября 2018 г. № 327. URL: <https://resmigazete.gov.tr/eskiler/2018/11/20181111-2.pdf> (дата обращения: июль 2020).

программы организованного найма. Первые шаги в этой области уже приняты – был обновлен договор с Республикой Корея в 2016 г.¹, подписано соглашение с Россией в 2017 г. (в данном случае в контексте расширения географии миграции мы понимаем рост числа трудовых мигрантов в российских регионах) (О ратификации..., 2017), а также инициированы переговоры с Японией и странами Европы (Матусевич, 2019).

Изменение возрастной структуры мигрантов

Среди мигрантов достаточно много молодых людей в возрасте 30 лет и младше – 38%, а на долю людей 31–40 лет приходится еще 34% (Рис. 2. *Распределение трудовых мигрантов по возрасту исходя*). Таким образом, в 2018 г. в общей сложности на долю лиц младше 41 года приходилось 72% от общего числа трудовых мигрантов, в то время как в 2006 г. (по данным социологического исследования² в рамках Гендерной программы Посольства Швейцарии в Узбекистане) эта цифра составляла 55%. На увеличение доли молодого населения в общем числе мигрантов за последние годы оказали влияние длительный период высокой рождаемости и снижение контроля со стороны более старшего поколения.

Миграция молодых мужчин, как правило, не наносит ущерба обычной деятельности семьи, а соблюдение их публичных обязательств выполняют чаще всего старшие члены семьи (отец или старший брат) (Ikhamov, 2013). Молодой мужчина-мигрант чаще всего имеет дееспособных родителей, братьев и сестер, которые могут поддержать его семью (в случае если он женат и имеет детей), пока он находится на заработках.

Мужчины более старшего возраста меньше участвуют в процессах трудовой миграции, так как они оказываются, с одной стороны, невостребованными на внешнем рынке труда (где, как правило, требуется многочасовой изнурительный труд), а с другой стороны – становятся уже фактическими главами семей, часто с наличием внуков, и, соответственно, более востребованными микросоциумом, нежели молодые мужчины. Это особенно за-

¹ Меморандум о взаимопонимании, подписанный Узбекистаном и Республикой Корея, действующий с 2006 г., но высокий уровень интереса мигрантов к работе в этой стране возник только после подписания обновленной версии документа в 2016 г., где были определены правовой статус и материальное положение трудовых мигрантов. Так, в 2017 г. при установленной Республикой Корея квоте в 5 тыс. чел. от Узбекистана было зарегистрировано более 87 тыс. заявок.

² По данным исследования «Голоса трудовых мигрантов», подготовленного при участии Центра миграционных исследований Института народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук, Представительства ПРООН в Узбекистане, Центра изучения общественного мнения «Ижтимоий Фикр», социологического центра «Шарх ва тавсия», Центра социальных исследований «ТАНЛИЛ», Гендерной программы Посольства Швейцарии в Узбекистане, Центра социально-экономических исследований Республики Узбекистан (Трудовая..., 2008).

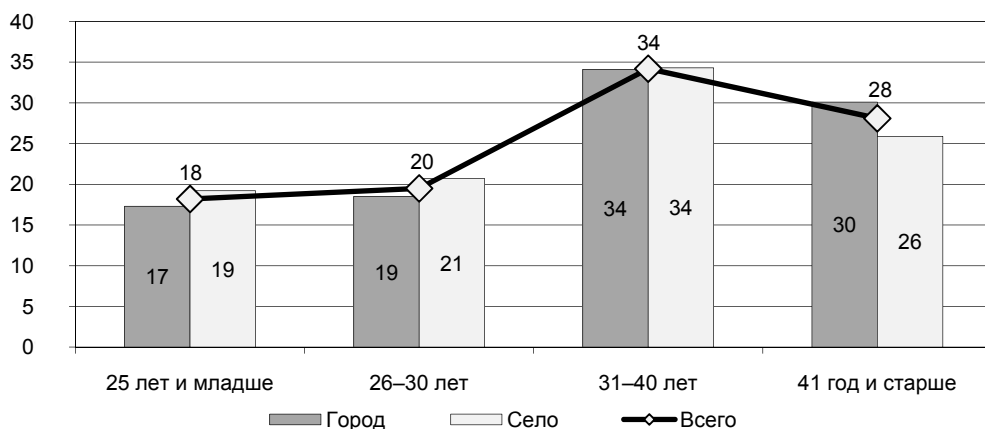

Рис. 2. Распределение трудовых мигрантов по возрасту исходя из места их проживания в Узбекистане, 2018 г., %

Fig. 2. Age structure of labour migrants by their place of residence in Uzbekistan in 2018, %

Источник: Результаты..., 2019.

Молодые мужчины чаще всего становятся мигрантами (обычно в возрасте 18–24 лет), и это – результат оптимизации распределения экономических ролей в семье путем коллективного решения семей, особенно если у молодого человека нет постоянного заработка на родине и / или профессии. После того как в Узбекистане в 2018 г. было отменено обязательное профессиональное образование, потоки молодых мигрантов, вероятно, продолжат расти, так как теперь молодые мужчины в трудоспособном возрасте могут ехать на заработки сразу после получения аттестата о среднем образовании.

Феминизация миграции

По данным МЗТО (Информационный..., 2020), в 2019 г. доля женщин, выезжающих на заработки, превысила 14%. После кризиса 2009 г., а также рецессии в России в 2015–2016 гг. происходило резкое увеличение доли женщин-мигрантов. Данные углубленных интервью показывают, что существуют следующие экономические причины, оказывающие влияние на процессы вынужденной феминизации трудовой миграции:

- возрастающая востребованность женщин на рынках труда принимающих стран (в секторе услуг, в домохозяйствах, на швейных фабриках и т. д.);
- существенно более низкая, по сравнению с мужчинами, средняя опла-

та женского труда в Узбекистане вследствие высокой занятости женщин в неформальном секторе экономики;

- для разведенных женщин и вдов – отсутствие полноценного партнера-кормильца, а также в какой-то степени и поиск другого общества, где вероятность выйти замуж выше, чем на родине;
- необходимость в поддержании текущего уровня дохода расширенной семьи и / или его увеличении;
- наличие мигрантских сетей, которое позволяет женщинам легче обустроиться и найти работу в принимающих странах.

Однако кроме вышеуказанных экономических причин, растет влияние и ряда социокультурных факторов, одним из которых является длительная и часто повторная миграция мужчин. При этом еще в 2007–2008 гг. модель женской трудовой миграции совместно с мужем (или вслед за мужем) выглядела доминирующей (Оценка..., 2009). Безусловно, подобная модель семейной миграции до сих пор является наиболее предпочтительной в глазах как родительской семьи трудовых мигрантов, так и социального окружения, так как совместная миграция, по мнению микросоциума, помогает сохранению семьи, снижает вероятность связей на стороне и приносит двойной экономический эффект для домохозяйства. Поэтому в тех случаях, когда мужа долго находятся на заработках, семьи стараются поощрять их совместную трудовую миграцию вместе с женами. Однако по данным качественных опросов, число замужних женщин, самостоятельно выезжающих на заработки независимо от мужа, растет. Наблюдается рост и доли женщин в разводе, а также вдов (Таблица 4), что свидетельствует о расширении женской трудовой миграции.

Таблица 4

**Семейное положение женщин – трудовых мигрантов
в 2008 и 2018 гг., %**

Table 4

Family status of female migrants in 2008 and 2018, %

Семейное положение	2008*	2018
В браке	56,5	64,1
В незарегистрированном браке	10,7	–**
Не в браке	13,2	11,2
Разведена	16,6	20,1
Вдова	3,0	4,6

Примечания: * учитывалось семейное положение женщин, которые ездили на заработки в Россию в 2007–2008 гг.; ** в опросе МЗТО 2018 г. данного пункта не было.

Источники: составлено по: Оценка..., 2009; Результаты..., 2019.

Модель самостоятельной трудовой миграции была бы невозможна для

женщин, имеющих детей, без одобрения со стороны мужа и расширенной семьи, а именно старшего поколения, берущего на себя ответственность и заботу о детях, часто даже в случаях, если муж остается дома. Многие домохозяйства в Узбекистане являются многопоколенными и детям часто даже не приходится менять место жительства при отъезде одного или обоих родителей на заработки.

Интерес также вызывает рост доли женщин-мигрантов в разводе и вдов, которые часто являются «потерянными» для местного общества и *едут за границу в поисках мужа*, так как на родине (особенно в селах, где наблюдается рост доли мужчин, уезжающих на заработки), существенно снижается вероятность выйти замуж еще раз.

Еще один косвенный аргумент заключается в том, что *низкопродуктивная занятость* или *отсутствие работы* у мужчин облегчает женщине в патриархальном обществе получение разрешения мужа и семьи на осуществление трудовой миграции как в городе, так и в селе (Женщины-мигранты..., 2011). В тех случаях, когда муж перестает быть кормильцем и его доходы недостаточны для удовлетворения потребностей домохозяйства, семья начинает лояльнее относиться к женщинам, выезжающим на заработки. Соседи же в этом случае будут скорее осуждать мужа, который не смог обеспечить семью, чем женщину, принявшую решение начать трудовую миграцию.

И наконец, последний (но не менее важный) фактор, который косвенно способствует развитию женской трудовой миграции, – это как успешные, так и неуспешные *примеры мужской трудовой миграции*. При этом успешные примеры женской трудовой миграции являются еще более мощными стимулами для ломки стереотипов на уровне микросоциума, и особенно для мотивации самих женщин к трудовой миграции.

Средняя номинальная зарплата в Узбекистане в 2018 г. составила 207 долл. США, а совокупные доходы на душу населения – 89 долл. США. При этом, по данным опроса МЗТО, средняя сумма одного месячного денежного перевода женщины – трудового мигранта составила 350 долл. США¹, что ничем не отличается от денежных переводов мужчин – трудовых мигрантов. Одной из вероятных причин этого может быть то, что текущие расходы женщин в стране-реципиенте в среднем меньше, чем у мужчин, и потому они имеют возможность отправлять большую часть своего заработка на родину. Другой причиной может быть и уровень оплаты выполняемых работ – например, оплата труда в секторе услуг может быть соразмерна оплате труда на производстве или в строительстве.

¹ Доход за вычетом расходов на проживание, питание, транспорт и другие собственные нужды женщин – трудовых мигрантов.

ПРОЦЕСС ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ О МИГРАЦИИ И РЕМИГРАЦИИ

Решение о внешней трудовой миграции члена семьи в Узбекистане принимается совместно с другими членами семьи, причем особенно важным является мнение старшего поколения. Многие трудовые мигранты из Узбекистана едут на заработки с целью обеспечения материальных потребностей не только своей собственной семьи (даже в случае если мигрант женат / замужем и имеет детей), а чтобы обеспечить потребности семьи в расширенном ее понимании, включая родителей, братьев, сестер и ближайших родственников. В Узбекистане достаточно типичны домохозяйства, в которых проживают несколько семей, члены которых принадлежат как минимум к трем поколениям, и имеют достаточно патриархальную структуру (Ilkhamov, 2013). В обязанности главы такой расширенной многопоколенной семьи входит строгий нормативный набор функций: женить или выдать замуж детей, обеспечить жильем каждого женатого сына, дать образование детям и отметить в своем сообществе все ритуалы, связанные с жизненным циклом семьи и ее членов. В этом контексте денежные переводы мигрантов являются своего рода сбережениями, а распределение общего бюджета семьи и усилий всех членов семьи в зависимости от потребностей – инвестициями.

Факторы, влияющие на процесс принятия решения и выработку стратегии миграции внутри каждой отдельной семьи, являются, безусловно, уникальными и могут сильно отличаться в зависимости от потребностей семьи, состава семьи, места жительства семьи, а также характеристик самих членов семьи и оценки возможных рисков (Rahmonova-Schwarz, 2012). Трудовой мигрант не просто зарабатывает деньги, а выполняет определенную социальную роль по отношению к семье и сообществу (Абашин, 2015; Григорьев и др., 2008).

Часто семья не устанавливает конкретную цель заработка, то есть мигранту просто необходимо заработать больше, чем он зарабатывал на родине. По данным опроса МЗТО, 55,9% мигрантов, выезжавших на заработки в 2018 г., основной причиной миграции называли более высокую оплату за рубежом и / или отсутствие работы на родине, то есть не смогли назвать какую-либо конкретную конечную причину трудовой миграции. Остальные же называли в том числе следующие причины: необходимость в средствах на организацию своей свадьбы или свадьбы детей, покупка дома или квартиры в Узбекистане, покупка автомобиля (45,4%), деньги для создания и открытия собственного бизнеса (8,9%), семейные проблемы, которые необходимо решить (13,6%)¹, и другие цели (11,4%). В случае, когда у трудового

¹ Респонденты имели возможность давать несколько вариантов ответа о целях трудовой миграции.

мигранта есть какая-то определенная финансовая цель поездки за рубеж, он, скорее всего, вернется на родину после того, как заработает необходимую сумму. Отсутствие цели же, наоборот, зачастую приводит к так называемой «ловушке циклической миграции», то есть к долговременной и возвратной миграции.

Цели трудовой миграции, 2017–2018 гг., % респондентов

Таблица 5

Labour migration targets, 2017–2018, % of respondents

Table 5

Цель	2017	2018
Высокая оплата за рубежом / отсутствие работы на родине	33,8	55,9
Организация свадьбы / покупка жилья или автомобиля	45,6	45,4
Привлечение капитала с целью организовать свой бизнес на родине	4,5	8,9
Семейные проблемы	16,8	13,6
Другое	15,8	11,4

Источник: Результаты..., 2019.

По возвращении домой мигранты также сталкиваются с рядом проблем, связанных с дезадаптацией и необходимостью реинтеграции у себя на родине. Даже после не столь продолжительного отсутствия (в среднем по выборке мигранты находились на заработках около 10 месяцев) мигранты часто привносят в жизнь своей семьи и сообщества некоторые особенности быта другой страны (приобретенные привычки в питании, поведении, одежде и т. п.) и теряют часть своих социальных связей (члены семьи уже привыкли за время ее / его отсутствия к определенному распределению ролей и обязанностей, и вернувшийся домой мигрант чувствует себя какое-то время «гостем»).

В случае если мигрант не собирается опять продолжить трудовую миграцию, остро встают вопросы трудоустройства. При этом уровень притязаний вернувшихся мигрантов значительно выше, чем был до отъезда на заработки. Это связано с тем, что поездка на заработки, особенно если мигрант проживает в сельской местности, значительно повышает его статус в глазах как семьи, так и сообщества. Работодатели не всегда охотно принимают на работу бывших трудовых мигрантов, считая их ожидания относительно оплаты труда завышенными, а вероятность повторной миграции – ненулевой.

Трудности с адаптацией в семье или на уровне сообщества, или на рынке труда в своей стране действительно часто ведут к феномену повторной миграции (Абашин, 2015; Абашин, 2016). Говоря о повторной миграции, мы не имеем в виду постоянно работающих мигрантов, которые используют воз-

вращение на родину в качестве формального способа продления легального пребывания в стране-реципиенте (например, в России¹), или тех, кто занят на сезонных работах. В этих случаях возвратная миграция является запланированной стратегией, в которой возвращение не рассматривается изначально в качестве окончания миграции².

В обратном случае, когда де-юре возвращение на родину рассматривается как окончание миграции, но де-факто мигрант или его семья снова принимают решение поехать на заработки. По данным МЗТО, около половины опрошенных мигрантов заявили о своем твердом намерении когда-либо вернуться к трудовой миграции и еще 15% затруднились дать точный ответ на данный вопрос. Отсюда следует, что если бы трудовая миграция была в большинстве случаев успешной, то было бы больше людей, которые едут впервые (повторная миграция зачастую происходит из-за невыполнения поставленных целей, в большинстве своем – финансовых). Еще одной причиной высокой доли повторной миграции является расширение имеющихся (или появление новых) финансовых потребностей самих мигрантов и их семей на родине. Однако, как отметил Жан-Пьер Кассарино, *«парадигма удачи/неудачи не может полностью объяснить феномен возвратной миграции. Возвращение часто не является завершением самого миграционного цикла»* (Cassarino, 2004, с. 4). Стратегии возвращения, таким образом, следует рассматривать в их взаимосвязи с циклическими миграциями, а возвратную миграцию необходимо рассматривать как явление, обусловленное не только экономическими факторами (поддержание текущего уровня благосостояния после сохраняющегося падения реальных доходов населения Узбекистана, выраженных в долларах США), но и влиянием мигрантов на семью и социум и социума и семьи на мигрантов. С учетом вышесказанного, доля мигрантов, которые возвращаются на родину и попадают в эту «ловушку циклической миграции», вероятно, будет расти, а сам процесс со временем может стать необратимым.

¹ Максимальный разрешенный срок пребывания в РФ даже при наличии патента на осуществление трудовой деятельности составляет 3 года. После этого мигрант должен покинуть пределы РФ хотя бы на один день. В соответствии с положениями статьи 5 срок временного пребывания иностранного гражданина в Российской Федерации определяется сроком действия выданной ему визы, за исключением случаев, предусмотренных настоящим федеральным законом. В случае отсутствия патента срок пребывания сокращается до 3 месяцев (О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: федеральный закон РФ от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37868/ (дата обращения: август 2020).

² Однако иногда такая запланированная поездка на родину все же вызывает необходимость прервать миграционный цикл и остаться (Абашин, 2016). При этом знания и связи вернувшегося трудового мигранта могут быть использованы в дальнейшем для мобилизации в качестве мигранта другого человека из семьи или сообщества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Оказавшись под влиянием ряда внутренних и внешних макроэкономических факторов, результатом которых стала необходимость в повышении (или по крайней мере поддержании) уровня благосостояния, в последние годы социокультурные аспекты узбекского общества стали трансформироваться – в сугубо патриархальном обществе стали формироваться новые установки эгалитарного типа, что, в свою очередь, не могло не отразиться на процессах внешней трудовой миграции Узбекистана. Согласно этим новым установкам участие определенных социально-демографических категорий населения – ранее мало вовлеченных в процессы трудовой миграции – становится возможным и даже массовым явлением. Расширяющаяся миграция постепенно меняет социокультурные установки на уровне семей и сообществ, а последние, в свою очередь, запускают механизмы, как стимулирующие и поддерживающие дальнейший рост миграционного потока, так и изменение состава трудовых мигрантов. Таким образом, происходит не только очень значимый процесс влияния микросоциума на миграцию, но и обратное влияние миграции на микросоциум, то есть влияние не является односторонним.

Омоложение миграции и расширение ее географии продолжают способствовать дальнейшему росту потоков трудовой миграции из Узбекистана, так как в силу глобализации и распространения информационных технологий вовлечение более молодого поколения в процессы миграции, вероятно, будет способствовать созданию новых миграционных сетей в принимающих странах и расширению уже имеющиеся. При этом, несмотря на некоторое перераспределение направлений миграционных потоков и законодательно закрепленное упрощение пребывания граждан Узбекистана в ряде стран (например, в Турции и Республике Корея), в среднесрочной перспективе Россия, скорее всего, останется лидером среди принимающих стран по числу трудовых мигрантов из Узбекистана.

Что касается роста феминизации внешней трудовой миграции, то ее ключевые причины на микроуровне – это не только активность самих женщин, а скорее – постепенное разрушение патриархальных стереотипов на уровне семьи и сообществ относительно мобильности женщин, смягчение гендерных режимов, информационные обмены и влияние мужчин-мигрантов. Это может привести как к дальнейшему расширению феминизации миграции, так и к росту влияния роли женщины в узбекском обществе.

Наконец, особый интерес представляет так называемая «успешность» миграции. Зачастую размытые цели поездок и изначальная установка на относительно непродолжительную миграцию негативно влияют на адаптацию

в стране трудоустройства; однако по возвращении трудовые мигранты могут столкнуться с новыми трудностями в процессе реинтеграции. Это может стать одной из причин повторной или циклической миграции, фокус миграционного цикла которых в дальнейшем – исходя из поведенческих установок самих мигрантов, ряда макроусловий (в том числе и последствий текущего кризиса, вызванного пандемией коронавируса) и социокультурных факторов на микроуровне – может сместиться в сторону адаптации мигрантов в стране-реципиенте и даже их возможной иммиграции. Эти процессы не входят в область исследования данной работы и являются предметом последующих научных изысканий автора.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Автор выражает благодарность ординарному профессору, члену ученого совета НИУ ВШЭ Л.М. Григорьеву и рецензентам научного журнала «Пространственная экономика» за ценные комментарии, а также сотрудникам Центра социальных исследований «ТАНЛИЛ» за возможность использовать для анализа ретроспективную качественную информацию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абашии С.* Возвращение домой: семейные и миграционные сценарии в Узбекистане // *Ab Imperio*. 2015. № 3. С. 125–165.
- Абашии С.* И здесь, и там: транснациональные аспекты миграции из Центральной Азии в Россию // Восток на Востоке, в России и на Западе: трансграничные миграции и диаспоры / под ред. С. Панарина. СПб.: Нестор – История, 2016. С. 159–177.
- Варшавер Е.* Положение иностранных трудовых мигрантов в России во время пандемии коронавируса // Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2020. № 20 (122). С. 4–11. URL: http://www.iep.ru/files/text/crisis_monitoring/2020_20-122_July.pdf (дата обращения: июль 2020).
- Григорьев Л., Кондратьев С., Салихов М.* Трудный выход из трансформационного кризиса // *Вопросы экономики*. 2008. Т. 10. С. 77–95. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2008-10-77-95>
- Другач Т.Д.* Эгалитаризм // *Новая философская энциклопедия*. М.: Мысль, 2000–2001.
- Женщины-мигранты из стран СНГ в России* / под ред. Е.В. Тюрюкановой. М.: МАКС Пресс, 2011. 119 с.
- Информационный бюллетень «Рынок труда, занятость и безработица»* / Министерство занятости и трудовых отношений Республики Узбекистан. Ташкент, 2020. URL: mehnat.uz/ru/category/informacionnyy-byulleten-rynok-truda-zanyatost-i-bezrabotica (дата обращения: август 2020).
- Локиши М.М., Чернина Е.М.* Мигранты на российском рынке труда: портрет и заработная плата // *Экономический журнал Высшей школы экономики*. 2013. Т. 17. № 1. С. 44–80.
- Матусевич Я.* Аналитический бриф. Оценивая будущее узбекской трудовой миграции / Секретариат Пражского процесса. 2019. 9 с. URL: <https://www.pragueprocess.org>

- eu/documents/repo/96/Uzbekistan_Policy_Brief_Matusevich_RU.pdf (дата обращения: июль 2020).
- Мелкоян В.А. Главные теоретические обоснования и подходы к международной миграции рабочей силы // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2015. № 3. С. 143–154.
- Мукомель В.И. Интеграция мигрантов: вызовы, политика, социальные практики // Мир России. Социология. Этнология. 2011. Т. 20. № 1. С. 34–50.
- О первоочередных мерах по либерализации валютной политики: указ Президента Республики Узбекистан от 02.09.2017 г. № УП-5177. URL: https://www.norma.uz/uz/gaznoe/o_pervoocherednyh_merah_po_liberalizacii_valyutnoy_politiki (дата обращения: июль 2020).
- О ратификации Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Узбекистан об организованном наборе и привлечении граждан Республики Узбекистан для осуществления временной трудовой деятельности на территории Российской Федерации: федеральный закон от 05.12.2017 г. № 366-ФЗ / Администрация Президента России. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/42540> (дата обращения: июль 2020).
- Открытые данные. Официальная статистика / Государственный комитет Республики Узбекистан по статистике. 2020. URL: <https://stat.uz/ru/otkrytye-dannye/164-ofytsyalnaia-statystyka-ru> (дата обращения: июль 2020).
- Постсоветские трансформации: отражение в миграциях / под ред. Ж.А. Зайончковской, Г.С. Витковской. М.: ИТ «АдамантЪ», 2009. 412 с.
- Предварительные показатели текущего счета платежного баланса за I полугодие 2020 г. / Центральный банк Республики Узбекистан. 2020. URL: https://cbu.uz/ru/press_center/reviews/367264/ (дата обращения: июль 2020).
- Результаты социологического обследования по изучению вопросов трудовой миграции, проведенного в декабре 2018 года в регионах Республики Узбекистан / Министерство занятости и трудовых отношений Республики Узбекистан. Ташкент, 2019. 20 с. URL: <https://mehnat.uz/ru/article/rezultaty-sociologicheskogo-obsledovaniya-po-izucheniyu-voprosov-trudovoy-migracii-provedennogo-v-dekabre-2018-goda-v-regionah-respubliki-uzbekistan> (дата обращения: август 2020).
- Республика Узбекистан. Доклад о миссии статистики внешнего сектора / IMF Country Report No. 20/193. Вашингтон. 2018. URL: <https://www.imf.org/ru/Publications/CR/Issues/2020/06/09/Republic-of-Uzbekistan-Technical-Assistance-Report-External-Sector-Statistics-Mission-49495> (дата обращения: июль 2020).
- Трансграничные переводы, осуществленные через платежные системы / Банк России. 2020. URL: https://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/#a_71460 (дата обращения: июль 2020).
- Трудовая миграция в Республике Узбекистан: социальные, правовые и гендерные аспекты / отв. ред. Е.В. Абдуллаев. Ташкент, 2008. 204 с.
- Трушин Э. Узбекистан: Навстречу новой экономике // Страновой экономический бюллетень. / Группа Всемирного банка. 2019. 36 с. URL: <http://documents.vsemirnyjbank.org/curated/ru/750691563976140831/pdf/Uzbekistan-Toward-a-New-Economy-Country-Economic-Update.pdf> (дата обращения: июль 2020).
- Оценка нужд и потребностей женщин – трудящихся мигрантов: Центральная Азия и Россия / под ред. Е. Тюрюкановой, Р. Абазовой. М.: ЮНИФЕМ-МОТ, 2009. 78 с.
- Филиппов А.А. Категория социального статуса в зарубежной и отечественной социологии // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. 2012. № 1 (37). С. 306–313.
- Чепель С.В., Бондаренко К.А. Является ли внешняя трудовая миграция фактором эко-

- номического роста. Эконометрический анализ и выводы для стран СНГ // Журнал Новой экономической ассоциации. 2015. Т. 28. № 4. С. 142–166.
- Abdurazakova D.* Social Impact of International Migration and Remittances in Central Asia // *Asia-Pacific Population Journal*. 2013. No. 2. Pp. 29–54. <https://doi.org/10.18356/e5944c36-en>
- Ahunov M., Kakhkharov J., Parpiev Z., Wolfson I.* Socio-Economic Consequences of Labor Migration in Uzbekistan / Griffith Business School Discussion Paper in Economics. 2015. 27 p. URL: <https://research-repository.griffith.edu.au/bitstream/handle/10072/390381/2015-07-socio-economic-consequences-of-labor-migration-in-uzbekistan.pdf> (дата обращения: июнь 2020).
- Beine M., Docquier F., Ozden C.* Diasporas // *Journal of Development Economics*. 2011. Vol. 95. Issue 1. Pp. 30–41. <https://doi.org/10.1016/j.jdevec0.2009.11.004>
- Bowles S.* Migration as Investment: Empirical Tests of the Human Investment Approach to Geographical Mobility // *The Review of Economics and Statistics*. 1970. Vol. 52. No. 4. Pp. 356–362. <https://doi.org/10.2307/1926312>
- Cassarino J.P.* Theorising Return Migration: The Conceptual Approach to Return Migrants Revisited // *International Journal on Multicultural Societies (IJMS)*. 2004. Vol. 6. No. 2. Pp. 253–279.
- Chiquiar D., Hanson G.H.* International Migration, Self-Selection, and the Distribution of Wages: Evidence from Mexico and the United States // *Journal of Political Economy*. 2005. Vol. 113. No. 2. Pp. 239–281. <https://doi.org/10.1086/427464>
- Cohen R.* *Global Diasporas: An Introduction*. London; New York: Routledge, 2008. 240 p.
- Constant A., Massey D.S.* Self-Selection, Earnings, and Out-Migration: A Longitudinal Study of Immigrants to Germany // *Journal of population Economics*. 2003. Vol. 16. Pp. 631–653. <https://doi.org/10.1007/s00148-003-0168-8>
- De Jong G.F.* Expectations, Gender, and Norms in Migration Decision-Making // *Population Studies*. 2000. Vol. 54. Issue 3. Pp. 307–319. <https://doi.org/10.1080/713779089>
- Elrick T.* Migration Decision Making and Social Networks / EU Marie Curie Excellence Grant Project KNOWMIG. 2005. 17 p. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/78c4/d5ce75c92699b28fd8eba7a41686efc0103d.pdf> (дата обращения: июль 2020).
- Finke P., Sanders R., Zanca R.* Mobility and Identity in Central Asia: An Introduction // *Zeitschrift für Ethnologie*. 2013. Vol. 138. No. 2. Pp. 129–137.
- Fischer P.A., Martin R., Straubhaar T.* Should I Stay or Should I Go? International Migration, Immobility and Development // *International Migration, Immobility and Development: Multidisciplinary Perspectives* / Edited by T. Hammer, G. Brochmann, K. Tamas, T. Faist. Routledge, 1997. Pp. 49–90.
- Garip F.* Social Capital and Migration: How do Similar Resources Lead to Divergent Outcomes? // *Demography*. 2008. Vol. 45. Pp. 591–617.
- Giles J., Yoo K.* Precautionary Behavior, Migrant Networks, and Household Consumption Decisions: An Empirical Analysis Using Household Panel Data From Rural China // *The Review of Economics and Statistics*. 2007. Vol. 89. Issue 3. Pp. 534–551. <https://doi.org/10.1162/rest.89.3.534>
- Giulietti C., Wahba J., Zenou Y.* Strong Versus Weak Ties in Migration // *European Economic Review*. 2018. Vol. 104. Pp. 111–137. <https://doi.org/10.1016/j.euroecorev.2018.02.006>
- Global Bilateral Migration Database / World Bank. 2020. URL: <https://datacatalog.worldbank.org/dataset/global-bilateral-migration-database> (дата обращения: июль 2020).
- Hofmann E.T., Buckley C.J.* Global Changes and Gendered Responses: The Feminization of Migration from Georgia // *International Migration Review*. 2013. Vol. 47. Issue 3. Pp. 508–538. <https://doi.org/10.1111/imre.12035>
- Hugo G.J.* Villae-Community Ties, Village Nirms and Ethnic Networks: A Review of

- Evidence from the Third World // Migration Decision Making: Multidisciplinary Approaches to Microlevel Studies in Developed and Developing Countries. 1981. Pp. 186–224. <https://doi.org/10.1016/B978-0-08-026305-2.50013-9>
- Ilkhamov A.* Labour Migration and the Ritual Economy of the Uzbek Extended Family // Zeitschrift für Ethnologie. 2013. Vol. 138. Issue 2. Pp. 259–284.
- Insurance Against Poverty / Edited by S. Dercon. Oxford University Press, 2005. 488 p. <https://doi.org/10.1093/0199276838.001.0001>
- International Migration in the New Millennium: Global Movement and Settlement / Edited by D. Joly. London: Routledge, 2017. 256 p. <https://doi.org/10.4324/9781315252001>
- Juraev A.* Labor Migration from Uzbekistan: Social and Economic Impacts on Local Development / University of Trento. 2012. 216 p. URL: http://eprints-phd.biblio.unitn.it/805/1/Doctoral_Thesis_Alisher_Juraev_JUNE_2012.pdf (дата обращения: июнь 2020).
- Kartseva M., Kuznetsova P.* The Economic Consequences of the Coronavirus Pandemic: Which Groups Will Suffer More in Terms of Loss of Employment and Income? // Population and Economics. 2020. Vol. 4. Issue 2. Pp. 26–33.
- Laruelle M.* Central Asian Labor Migrants in Russia: The ‘Diasporization’ of the Central Asian States? // China & Eurasia Forum Quarterly. 2007. Vol. 5. No. 3. Pp. 101–119.
- Lee E.S.* A Theory of Migration // Demography. 1966. Vol. 3. Pp. 47–57. <https://doi.org/10.2307/2060063>
- Maksakova L.* Feminization of Labour Migration in Uzbekistan // Migration Perspectives: Eastern Europe and Central Asia / Edited by R.R. Rios. Vienna: IOM, 2006. Pp. 133–145.
- Massey D.S. et al.* Theories of International Migration: A Review and Appraisal // Population and Development Review. 1993. Vol. 19. No. 3. Pp. 431–466. <https://doi.org/10.2307/2938462>
- Migration in South and Southern Africa: Dynamics and Determinants / Edited by P. Kok, D. Gelderblom, J.O. Oucho, J. Van Zyl. HSRC Press, 2006. 416 p.
- Otrachshenko V., Popova O.* Life (dis) Satisfaction and the Intention to Migrate: Evidence from Central and Eastern Europe // The Journal of Socio-Economics. 2014. Vol. 48. Pp. 40–49. <https://doi.org/10.1016/j.socec.2013.09.008>
- Rahmonova-Schwarz D.* Family and Transnational Mobility in Post-Soviet Central Asia // Baden-Baden: Nomos, 2012. 247 p.
- Ranis G., Fei J.C.H.* A Theory of Economic Development // The American Economic Review. 1961. Vol. 51. No. 4. Pp. 533–565.
- Ravlik M.* Determinants of International Migration: A Global Analysis / Higher School of Economics Research Paper No. WP BRP. 2014. 21 p.
- Sjaastad L.A.* The Costs and Returns of Human Migration // Journal of political Economy. 1962. Vol. 70. No. 5. Part 2. Pp. 80–93.
- Stark O.* Tales of Migration Without Wage Differentials: Individual, Family, and Community Contexts / Universität Bonn. Discussion Papers on Development Policy No. 73. 2003. 15 p. <https://doi.org/10.22004/ag.econ.18743>
- Stark O., Levhari D.* On Migration and Risk in LDCs // Economic Development and Cultural Change. 1982. Vol. 31. No. 1. Pp. 191–196.
- Taylor J.E.* Differential Migration, Networks, Information and Risk // Migration, Human Capital and Development. 1986. Vol. 4. Pp. 147–171.
- Toma S., Castagnone E.* What Drives Onward Mobility Within Europe? The Case of Senegalese Migrations between France, Italy and Spain // Population. 2015. Vol. 70. Issue 1. Pp. 65–95.
- UN System Task Team on the Post-2015 UN Development Agenda / United Nations. 2012.

- 15 p. URL: http://www.un.org/millenniumgoals/pdf/Think%20Pieces/13_migration.pdf (дата обращения: январь 2020).
- World Development Indicators / The World Bank. 2020. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (дата обращения: июль 2020).
- Zhao Y. Labor Migration and Earnings Differences: The Case of Rural China // *Economic Development and Cultural Change*. 1999. Vol. 47. No. 4. Pp. 767–782. <https://doi.org/10.1086/452431>

REFERENCES

- Abashin S.N. Both Here and There: Transnational Aspects of Migration from Central Asia to Russia. *East in the East, in Russia and in the West: Cross-Border Migrations and Diasporas*. Edited by S. Panarin. Saint Petersburg, 2016, pp. 159–177. (In Russian).
- Abashin S.N. Returning Home: Family and Migration Scenarios in Uzbekistan. *Ab Imperio = Ab Imperio*, 2015, no. 3, pp. 125–165. (In Russian).
- Abdurazakova D. Social Impact of International Migration and Remittances in Central Asia. *Asia-Pacific Population Journal*, 2013, no. 2, pp. 29–54. <https://doi.org/10.18356/e5944c36-en>
- Ahunov M., Kakhkharov J., Parpiev Z., Wolfson I. *Socio-Economic Consequences of Labor Migration in Uzbekistan*. Griffith Business School Discussion Paper in Economics, 2015, 27 p. Available at: <https://research-repository.griffith.edu.au/bitstream/handle/10072/390381/2015-07-socio-economic-consequences-of-labor-migration-in-uzbekistan.pdf> (accessed June 2020).
- Assessing the Needs and Requirements of Women Migrant Workers: Central Asia and Russia*. Edited by E. Tyuryukanova, R. Abazova. Moscow, 2009, 78 p. (In Russian).
- Beine M., Docquier F., Ozden C. Diasporas. *Journal of Development Economics*, 2011, vol. 95, issue 1, pp. 30–41. <https://doi.org/10.1016/j.jdeveco.2009.11.004>
- Bowles S. Migration as Investment: Empirical Tests of the Human Investment Approach to Geographical Mobility. *The Review of Economics and Statistics*, 1970, vol. 52, no. 4, pp. 356–362. <https://doi.org/10.2307/1926312>
- Cassarino J.P. Theorising Return Migration: The Conceptual Approach to Return Migrants Revisited. *International Journal on Multicultural Societies (IJMS)*, 2004, vol. 6, no. 2, pp. 253–279.
- Chepel S.V., Bondarenko K.A. IS The External Labor Migration an Economic Growth Factor: Implications for the Cis Countries. *Zhurnal Novoy Ekonomicheskoy Assotsiatsii = Journal of the New Economic Association*, 2015, vol. 28, no. 4, pp. 142–166. (In Russian).
- Chiquiar D., Hanson G.H. International Migration, Self-Selection, and the Distribution of Wages: Evidence from Mexico and the United States. *Journal of Political Economy*, 2005, vol. 113, no. 2, pp. 239–281. <https://doi.org/10.1086/427464>
- Cohen R. *Global Diasporas: An Introduction*. London; New York: Routledge, 2008, 240 p.
- Constant A., Massey D.S. Self-Selection, Earnings, and Out-Migration: A Longitudinal Study of Immigrants to Germany. *Journal of Population Economics*, 2003, vol. 16, pp. 631–653. <https://doi.org/10.1007/s00148-003-0168-8>
- De Jong G.F. Expectations, Gender, and Norms in Migration Decision-Making. *Population Studies*, 2000, vol. 54, issue 3, pp. 307–319. <https://doi.org/10.1080/713779089>
- Dlugach T.D. Egalitarianism. *New Encyclopedia of Philosophy*. Moscow, 2000–2001. (In Russian).
- Erlrick T. *Migration Decision Making and Social Networks*. EU Marie Curie Excellence

- Grant Project KNOWMIG, 2005, 17 p. Available at: <https://pdfs.semanticscholar.org/78c4/d5ce75c92699b28fd8eba7a41686efc0103d.pdf> (accessed July 2020).
- Fillipov A.A. Category of Social Status in Foreign and Domestic Sociology. *Voprosy Sovremennoy Nauki i Praktiki* [Issues of Modern Science and Practice], 2012, no. 1, pp. 306–313. (In Russian).
- Finke P., Sanders R., Zanca R. Mobility and Identity in Central Asia: An Introduction. *Zeitschrift für Ethnologie*, 2013, vol. 138, no. 2, pp. 129–137.
- Fischer P.A., Martin R., Straubhaar T. Should I Stay or Should I Go? International Migration, Immobility and Development. *International Migration, Immobility and Development: Multidisciplinary Perspectives*. Edited by T. Hammer, G. Brochmann, K. Tamas, T. Faist. Routledge, 1997, pp. 49–90.
- Garip F. Social Capital and Migration: How do Similar Resources Lead to Divergent Outcomes? *Demography*, 2008, vol. 45, pp. 591–617.
- Giles J., Yoo K. Precautionary Behavior, Migrant Networks, and Household Consumption Decisions: An Empirical Analysis Using Household Panel Data From Rural China. *The Review of Economics and Statistics*, 2007, vol. 89, issue 3, pp. 534–551. <https://doi.org/10.1162/rest.89.3.534>
- Giulietti C., Wahba J., Zenou Y. Strong Versus Weak Ties in Migration. *European Economic Review*, 2018, vol. 104, pp. 111–137. <https://doi.org/10.1016/j.eurocorev.2018.02.006>
- Global Bilateral Migration Database*. World Bank, 2020. Available at: <https://datacatalog.worldbank.org/dataset/global-bilateral-migration-database> (accessed July 2020).
- Grigoriev L., Kondratiev S., Salikhov M. Difficult Way out of Transformational Crisis (the Case of Georgia). *Voprosy Ekonomiki* [Economic Issues], 2008, vol. 10, pp. 77–95. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2008-10-77-95> (In Russian).
- Hofmann E.T., Buckley C.J. Global Changes and Gendered Responses: The Feminization of Migration from Georgia. *International Migration Review*, 2013, vol. 47, issue 3, pp. 508–538. <https://doi.org/10.1111/imre.12035>
- Hugo G.J. Villae-Community Ties, Village Nirms and Ethnic Networks: A Review of Evidence from the Third World. *Migration Decision Making: Multidisciplinary Approaches to Microlevel Studies in Developed and Developing Countries*, 1981, pp. 186–224. <https://doi.org/10.1016/B978-0-08-026305-2.50013-9>
- Ilkhamov A. Labour Migration and the Ritual Economy of the Uzbek Extended Family. *Zeitschrift für Ethnologie*, 2013, vol. 138, issue 2, pp. 259–284.
- Information Bulletin 'Labor Market, Employment and Unemployment'*. Ministry of Employment and Labor Relations of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, 2020. Available at: mehnat.uz/ru/category/informacionnyy-byulleten-rynok-truda-zanyatosti-bezrabotica (accessed August 2020). (In Russian).
- Insurance Against Poverty*. Edited by S. Dercon. Oxford University Press, 2005, 488 p. <https://doi.org/10.1093/0199276838.001.0001>
- International Migration in the New Millennium: Global Movement and Settlement*. Edited by D. Joly. London: Routledge, 2017, 256 p. <https://doi.org/10.4324/9781315252001>
- Juraev A. *Labor Migration from Uzbekistan: Social and Economic Impacts on Local Development*. University of Trento, 2012, 216 p. Available at: http://eprints-phd.biblio.unitn.it/805/1/Doctoral_Thesis_Alisher_Juraev_JUNE_2012.pdf (accessed June 2020).
- Kartseva M., Kuznetsova P. The Economic Consequences of the Coronavirus Pandemic: Which Groups Will Suffer More in Terms of Loss of Employment and Income? *Population and Economics*, 2020, vol. 4, issue 2, pp. 26–33.
- Labour Migration in the Republic of Uzbekistan: Social, Legal and Gender Aspects*. Edited by E.V. Abdullaev. Tashkent, 2008, 204 p. (In Russian).

- Laruelle M. Central Asian Labor Migrants in Russia: The 'Diasporization' of the Central Asian States? *China & Eurasia Forum Quarterly*, 2007, vol. 5, no. 3, pp. 101–119.
- Lee E.S. A Theory of Migration. *Demography*, 1966, vol. 3, pp. 47–57. <https://doi.org/10.2307/2060063>
- Lokshin M.M., Chernina E.M. Migrants on the Russian Labor Market: Profile and Earnings. *Ekonomicheskii Zhurnal VSHE = HSE Economic Journal*, 2013, vol. 17, no. 1, pp. 44–80. (In Russian).
- Maksakova L. Feminization of Labour Migration in Uzbekistan. *Migration Perspectives: Eastern Europe and Central Asia*. Edited by R.R. Rios. Vienna: IOM, 2006, pp. 133–145.
- Massey D.S. et al. Theories of International Migration: A Review and Appraisal. *Population and Development Review*, 1993, vol. 19, no. 3, pp. 431–466. <https://doi.org/10.2307/2938462>
- Matusevich Ya. *Analytical Brief. Assessing the Future of Uzbek Labor Migration*. Prague Process Secretariate, 2019, 9 p. Available at: https://www.pragueprocess.eu/documents/repo/96/Uzbekistan_Policy_Brief_Matusevich_RU.pdf (accessed July 2020). (In Russian).
- Melkonyan V.A. The Main Theoretical Foundations and Approaches to International Labour Migration. *ETAP: Ekonomicheskaya Teoriya, Analiz, Praktika = ETAP: Economic Theory, Analysis, and Practice*, 2015, no. 3, pp. 143–154. (In Russian).
- Migration in South and Southern Africa: Dynamics and Determinants*. Edited by P. Kok, D. Gelderblom, J.O. Oucho, J. Van Zyl. HSRC Press, 2006, 416 p.
- Mukomel V.I. Integration of Migrants: Challenges, Policies, Social Practices. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya = Universe of Russia. Sociology. Ethnology*, 2011, vol. 20, no. 1, pp. 34–50. (In Russian).
- On Priority Measures to Liberalize the Foreign Exchange Policy: Decree of the President of the Republic of Uzbekistan of 02 September 2017 No. UP-5177*. Available at: https://www.norma.uz/uz/raznoe/o_pervoочerednyh_merah_po_liberalizacii_valyutnoy_politiki (accessed July 2020). (In Russian).
- On Ratification of the Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Uzbekistan on the Organized Recruitment and Attraction of Citizens of the Republic of Uzbekistan for Temporary Employment in the Territory of the Russian Federation: Federal Law of 05 December 2017 No. 366-FZ*. Administration of the President of the Russian Federation. Available at: <http://kremlin.ru/acts/bank/42540> (accessed July 2020). (In Russian).
- Open Data. Official Statistics*. The State Committee of the Republic of Uzbekistan on Statistics, 2020. Available at: <https://stat.uz/ru/otkrytye-dannye/164-ofytsyalnaia-statystyka-ru> (accessed July 2020). (In Russian).
- Otrachshenko V., Popova O. Life (dis) Satisfaction and the Intention to Migrate: Evidence from Central and Eastern Europe. *The Journal of Socio-Economics*, 2014, vol. 48, pp. 40–49. <https://doi.org/10.1016/j.socec.2013.09.008>
- Post-Soviet Transformations: Reflection in Migrations*. Edited by Zh.A. Zayonchkovskaya, G.S. Vitkovskaya. Moscow, 2009, 412 p. (In Russian).
- Preliminary Indicators of the Current Account of the Balance of Payments for the First Half of 2020*. The Central Bank of the Republic of Uzbekistan, 2020. Available at: https://cbu.uz/ru/press_center/reviews/367264/ (accessed July 2020). (In Russian).
- Rahmonova-Schwarz D. *Family and Transnational Mobility in Post-Soviet Central Asia*. Baden-Baden: Nomos, 2012. 247 p.
- Ranis G., Fei J.C.H. A Theory of Economic Development. *The American Economic Review*, 1961, vol. 51, no. 4, pp. 533–565.

- Ravlik M. *Determinants of International Migration: A Global Analysis*. Higher School of Economics Research Paper No. WP BRP, 2014, 21 p.
- Republic of Uzbekistan: *Technical Assistance Report-External Sector Statistics Mission*. IMF Country Report No. 20/193, Washington, 2018. Available at: <https://www.imf.org/ru/Publications/CR/Issues/2020/06/09/Republic-of-Uzbekistan-Technical-Assistance-Report-External-Sector-Statistics-Mission-49495> (accessed July 2020). (In Russian).
- Results of the Sociological Survey on Labor Migration Issues Conducted in December 2018 in the Regions of the Republic of Uzbekistan*. Ministry of Employment and Labor Relations of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, 2019, 20 p. Available at: <https://mehnat.uz/ru/article/rezultaty-sociologicheskogo-obsledovaniya-po-izucheniyu-voprosov-trudovoy-migracii-provedennogo-v-dekabre-2018-goda-v-regionah-respubliki-uzbekistan> (accessed August 2020). (In Russian).
- Sjaastad L.A. The Costs and Returns of Human Migration. *Journal of Political Economy*, 1962, vol. 70, no. 5, part 2, pp. 80–93.
- Stark O. *Tales of Migration Without Wage Differentials: Individual, Family, and Community Contexts*. Universität Bonn. Discussion Papers on Development Policy No. 73, 2003, 15 p. <https://doi.org/10.22004/ag.econ.18743>
- Stark O., Levhari D. On Migration and Risk in LDCs. *Economic Development and Cultural Change*, 1982, vol. 31, no. 1, pp. 191–196.
- Taylor J.E. Differential Migration, Networks, Information and Risk. *Migration, Human Capital and Development*, 1986, vol. 4, pp. 147–171.
- Toma S., Castagnone E. What Drives Onward Mobility Within Europe? The Case of Senegalese Migrations between France, Italy and Spain. *Population*, 2015, vol. 70, issue 1, pp. 65–95.
- Trushin E. *Uzbekistan – Toward a New Economy: Country Economic Update*. World Bank Group, 2019, 36 p. Available at: <http://documents.vsemirnyjbank.org/curated/ru/750691563976140831/pdf/Uzbekistan-Toward-a-New-Economy-Country-Economic-Update.pdf> (accessed July 2020). (In Russian).
- UN System Task Team on the Post-2015 UN Development Agenda. United Nations, 2012, 15 p. Available at: http://www.un.org/millenniumgoals/pdf/Think%20Pieces/13_migration.pdf (accessed January 2020).
- Varshaver E. The Situation of Foreign Labor Migrants in Russia during the Coronavirus Pandemic. *Monitoring of the Economic Situation in Russia: Trends and Challenges of Socio-Economic Development*, 2020, no. 20 (122), pp. 4–11. Available at: http://www.iep.ru/files/text/crisis_monitoring/2020_20-122_July.pdf (accessed July 2020). (In Russian).
- World Development Indicators*. The World Bank, 2020. Available at: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (accessed July 2020).
- Zhao Y. Labor Migration and Earnings Differences: The Case of Rural China. *Economic Development and Cultural Change*, 1999, vol. 47, no. 4, pp. 767–782. <https://doi.org/10.1086/452431>

Поступила в редакцию / Submitted: 23.05.2020

Принята к публикации / Revised: 20.08.2020

Опубликована online / Published online: 30.09.2020